

УДК 124.5

ОСОБЕННОСТИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ МИГРАЦИИ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

О.Ю. Верпатова

ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь

Выявлен объем понятия «политическая миграция». Отмечено, что в условиях глобализации смещается вектор организации миграционных потоков: от национально-административного давления с его локальным планированием и регулированием переселенцев – к согласованной на международном уровне координации нормативных практик миграционного поведения. Глобальный характер миграций ставит вопрос о решении прямо противоположных задач – либерализации миграционной политики (совершенствование механизма гражданства, создание «прозрачных границ» и др.) и, наоборот, принятии жестких ограничительных мер в целях сохранения национальной безопасности.

Ключевые слова: *глобальное/локальное, миграция, национальное государство, транснациональные компании.*

Современный порядок мирового процесса начинает складываться с начала XX в. Многочисленные революционные потрясения, войны не только локального и регионального, но и мирового масштаба – все это оказало серьезное влияние на протекание миграционных процессов. Динамично изменяющийся порядок мироустройства, значительные политические трансформации, возникновение и распады политических режимов создали условия, при которых политические мотивы и причины миграционных движений становятся очевиднее, выделяются в отдельную категорию миграций. Долгое время в практике управления миграционными потоками наиболее распространённым был административный подход, при котором государство в лице правительства в рамках политики независимого государства имело инструменты планирования и регулирования миграции, формировало и влияло на сценарии миграции. Данные процессы были характерны для большинства государств. Вероятно, именно поэтому само понимание политической миграции начинает складываться во второй половине XX в. [7, с. 22].

В объем понятия «политические миграции» входят все миграционные потоки, вызванные причинами властно-управленческого характера, в числе которых вынужденное переселение в связи со сменой политического режима, репрессии, репатриации, депортации, военные действия, ценностно-личностное неприятие политического строя.

На современном этапе контроль миграционного движения, вызванного политическими событиями и социальными потрясениями, постепенно переходит под юрисдикцию международных организаций, формируя международные стандарты нормативных практик регулирования миграционного поведения. Среди основных направлений международного нормативного регулирования миграционных процессов можно выделить максимальное упрощение перемещения граждан на геополитическом пространстве, особенно в пределах регио-

нальных структур (ЕС, СНГ); внедрение единых стандартов обращения с гражданами, въезжающими на территорию государств; создание иммиграционных правил по отношению к беженцам и лицам, ищущим убежища, формирование общей процедуры признания их статуса; принятие общих мер по борьбе с незаконной миграцией и ее предотвращению.

В настоящее время сформирован механизм нормирования миграции, важным составным элементом которого выступает нормативно-правовая система международного регулирования миграционных процессов [3, с. 83].

Перечень вышеуказанных направлений нормативного регулирования демонстрирует стремление унифицировать стандарты работы с мигрантами, включая и тех, кто совершил перемещение по политическим причинам. Поскольку в большинстве законодательных практик беженцы выделены в особую миграционную категорию, возникает закономерная проблема терминологии. Большинство законов о беженцах ориентируются в своих практиках на международные акты, в частности на Конвенцию о статусе беженцев, которая была принята 28 июля 1951 г. Согласно данному документу, человек становится беженцем «в силу вполне обоснованных опасений стать жертвой преследований по признаку расы, вероисповедания, гражданства, принадлежности к определенной социальной группе или политических убеждений, находится вне страны своей гражданской принадлежности и не может пользоваться защитой этой страны или не желает пользоваться такой защитой вследствие таких опасений; или, не имея определенного гражданства и находясь вне страны своего прежнего обычного местожительства в результате подобных событий, не может или не желает вернуться в нее вследствие таких опасений» [6].

В группе политических мигрантов исследователи выделяют две особые категории – оппозиционеров и беженцев, к которым должны применяться иные правовые нормы, чем ко всем другим мигрантам. Оппозиционерами считаются индивиды, мигрирующие из страны с целью обеспечения своей политической безопасности. Оппозиционер выбирает для себя такое общество, которое соответствует уровню его понимания политической свободы и безопасности, в котором он не будет испытывать на себе давление со стороны различных социальных институтов и государственных структур прежнего общества [8]. Беженцы определяются как лица, подвергавшиеся или имеющие риск быть подвергнутыми «генерализированному насилию» (или «обобщенному насилию», вероятнее всего имеется в виду именно феномен массового насилия, которое применяется не избирательно, а по отношению к целой группе – военные действия, геноцид, погромы и т. д.) [9, с. 616]. В данном понятии следует отметить несколько аспектов, в частности политическую причинность перемещения и вопрос гражданства.

Важность принципа «гражданства» в анализе проблемы мигрантов как таковых и, в частности, политических мигрантов стал дискуссионным вопросом. В трансформации феномена «гражданства» в условиях мультикультурного общества отмечаются две противоположные тенденции. Одна из них связана с существенным ослаблением контроля за теми людьми, которых можно обозначить как привилегированные группы. В данную категорию попадают предприниматели, инвесторы, высококвалифицированные работники (т. е. те человеческие ресурсы, которые способны принести экономическую и социальную пользу принимающей стороне без дополнительных вложений). Вторая

тенденция заключается в усилении ограничительных мер, особенно для беженцев, ищущих политическое убежище.

Анализируя причину формирования такого подхода к регулированию миграции, отечественный исследователь О.С. Карнаухова предположила, что таким образом государство стремится ужесточить контроль миграций, одновременно укрепляя чувство принадлежности своих граждан. В результате, отмечает она, классическое восприятие института «гражданства» вступает в некое противоречие с идеалом мультикультурного гражданства как новой формы гражданства. Для подтверждения своих суждений она обращается к работам известного британского исследователя Т. Модуда, который анализирует трансформирующиеся идентичности. «Гражданство» в традиционном понимании предполагает требование культурной ассимиляции мигрантов и меньшинств, выдвигаемое национальным государством. В современном понимании данного института выдвигается идея мультикультурного гражданства, для которого локально-национальные требования оказываются не жизнеспособными [4, с. 18]. Современное «гражданство-как-статус» сопряжено с принятием целого ряда социальных характеристик потенциального гражданина (пол, возраст, этническая и религиозная принадлежность и т. д.). При условии факта наличия в современном обществе своеобразного «рынка» идентичностей новый гражданин получает возможность не просто быть признанным государством, но и быть признанным в определенном содержательном понимании его принадлежностей к группам.

Когда говорится о том, что групповая идентичность индивида должна интегрироваться в новое для него общество, то чаще всего идет речь о коллективных правах и коллективных действиях. И здесь кроется некое противоречие. Поскольку по своей правовой и политической сути гражданство представляет собой отражение отношений государства и политического субъекта, то «принципиально важным оказывается институционально оформленный коллективный субъект, видимый в пределах заданных рамок». Выход за установленные пределы, расширение границ и рамок данных договорных отношений затрудняют сами эти отношения. Гражданство теряет свой формальный правовой статус, становясь своего рода «метафорой», поскольку государство уже не может контролировать поведение данных индивидов. В результате на данный момент имеет смысл говорить о пересмотре бинарных категорий (коренное население – прибывшие), поскольку данная модель ставит перед мигрантом вопрос выбора «на чьей он стороне». Необходимость выбора влияет на новую идентичность мигранта, которая «оказывается в дихотомическом отношении к идентичности принимающего сообщества и часто рассматривается как причина для селективной политики статусов» [4, с. 19].

Современное состояние института гражданства перестает быть классическим договором между индивидом и государством. На современном этапе в большинстве европейских государств миграционные силы (особую роль здесь отводят именно беженцам и новому низшему классу, формирующемуся из мигрантов) превращаются в источник политических конфликтов. Исходя из этого, можно предположить, что намечается кризис не только самого национального государства с его устоявшимися традиционными институтами и формами политической социализации. В условиях глобализации смещается вектор организации миграционных потоков: от национально-административного давле-

ния с его локальным планированием и регулированием переселенцев – к согласованной на международном уровне координации нормативных практик миграционного поведения. Исследователи отмечают, что «глобальный характер миграций, ставит задачу совершенствования механизмов гражданства, политической и гражданской идентичности. Встает вопрос о трансформации концепции “гражданства” от универсальной практики к дифференцированной системе» [2].

Практика формирования дихотомической идентичности в социокультурном пространстве принимающего сообщества нередко приводит к маргинализации, когда индивид не формирует до конца ни одну из своих промежуточных идентичностей. Таким образом, политические мигранты, в частности такая категория, как «беженцы», оказываются в зоне риска погружения их на принимающей территории в маргинальную среду, чреватую конфликтами и противоречиями для общества в целом. Нередко именно в силу данных обстоятельств беженцы и та политика, которая осуществляется в их отношении, становятся «разменной монетой» в политической борьбе. Миграционная политика выступает как фактор привлечения внимания электората, как игра на настроении общества, на имеющихся в нем социальных противоречиях. В этом случае можно говорить о том, что мигранты становятся источником политических трансформаций и начинают оказывать серьезное влияние на местную политическую сферу.

Политические миграции оказывают существенное влияние на внутриполитические процессы самого принимающего общества. Как отмечают исследователи, здесь большое значение приобретает вопрос о функционировании диаспор. С одной стороны, диаспоры помогают в реализации принципов государственной безопасности и регулировании поведения мигрантов, но, с другой стороны, усиливают иллюзии независимости национальных государств в решении проблемы мигрантов. Деятельность диаспор, их влияние напрямую связаны с притоком мигрантов в страну. Диаспоры воспринимаются как сдерживающий, «мягкий» механизм, помогающий регулировать поведение мигрантов, но в то же время диаспора, по сути, не способствует освоению культурных норм, ценностей принимающего общества.

Влияние этнических диаспор на политическую жизнь принимающего государства осуществляется в самых разнообразных формах: политические акции; лоббирование интересов родины переселенцев; поддержка правительства или, наоборот, проявление оппозиции; ресурсная поддержка политических партий, движений и неправительственных организаций бывшей родины; нагнетание конфликтов [5, с. 81]. В этой связи показателен пример Турции с ее стратегией «мягкой силы» в отношении мигрантов. Данное государство уделяет большое внимание поддержанию связей со своими соотечественниками, переехавшими в европейские государства. Например, выходцы из Турецкой Республики, проживающие в ФРГ, становятся своеобразным рычагом международной политики. Правительство Турции всячески пытается задействовать своих соотечественников при лоббировании своих национальных политических и экономических интересов в ФРГ [5, с. 80].

Солидаризируясь во мнении о том, что роль государства в регулировании миграционных потоков ослабевает в силу снижения эффективности традиционных инструментов властного воздействия [7, с. 24], исследователи

справедливо отмечают двойственный характер миграционной политики на региональном уровне. Двойственность выражается прежде всего в том, что при расширении интеграционных процессов в современном обществе происходит либерализация миграционной политики, появляются «прозрачные границы» в рамках региональных объединений. В свою очередь это позволяет облегчить перемещение граждан стран-участниц через внутренние государственные границы данных союзов. Это имеет значение для развития экономических связей, перераспределения рабочей силы и т. д. Но в то же время происходят унификация законодательства в области регулирования международной миграции и принятие более жестких ограничительных мер в отношении иммигрантов из третьих стран [1, с. 84].

Такая двойственность подходов к регламентации миграций связана с двумя ключевыми причинами: во-первых, с национальной безопасностью (в том числе угрозами международного терроризма, защита национального рынка труда), во-вторых, с несовпадением задач интеграционного объединения и интересов его отдельных членов [1, с. 84]. Похожая ситуация наблюдалась при массовых миграциях беженцев из мест ведения боевых действий на Ближнем Востоке в страны Евросоюза. В этом случае унифицированное законодательство, в том числе и в практике принятия и размещения беженцев, привело к серьезным проблемам в социальной, экономической и политической сферах на принимающих территориях. Тогда впервые были озвучены идеи о дифференцированном подходе к миграционному законодательству.

Примером реализации дифференцированного подхода служат три европейские модели (Франции, ФРГ и Великобритании), сложившиеся в практиках взаимодействия административных структур с мигрантами. Для Франции характерна ассимиляционная модель, представляющая собой формализованный подход к формированию национального сообщества. Французское гражданство может быть получено по праву рождения, со всеми вытекающими последствиями. Лишь в последнее десятилетие введен дополнительный показатель – знание французского языка для детей мигрантов. Однако здесь возникает проблема идентификации. Дети мигрантов могут выполнить формальное условие для получения статуса гражданства, но для окончательного принятия ими ценностей и норм новой для них культуры должны сложиться воедино три обстоятельства – время, желание самого мигранта и грамотная политика принимающего его государства. Правительство и коренное население страны ожидает от мигрантов второго поколения, что, получив статус «француз», они автоматически начнут разделять нормы и ценности нового для него общества. Все это нередко приводит к существенным противоречиям и культурным (иногда и религиозным) конфликтам.

Другая альтернативная практика характерна для Германии. Здесь учитывается так называемое «право крови», т. е. по сути население делится на иммигрантов и немецких граждан. За основу берется норма временного пребывания мигрантов на территории государства, поэтому местные сообщества и власть не ожидают от мигрантов и их потомков соблюдения и разделения принципов, культурных ценностей и традиций, характерных для немецкой нации как этнического образования. В результате происходит культурное расслоение и минимизация контактов «местного» сообщества и мигрантов. В настоящее время данная практика привела к закономерным осложнениям: во

многих крупных городах появились зоны, неподконтрольные местным органам правопорядка. Именно в этих зонах проживает значительная доля мигрантов, создающих замкнутые анклавы – «homeland».

Третий подход характеризует практику Великобритании. Взаимодействие с мигрантами в этой стране можно обозначить как интеграционное. Сложность процедуры получения виз, разрешения на пребывание в стране и других формальностей окупается в будущем широкими возможностями и правами, которые этнические сообщества мигрантов получают для сохранения своих культурных особенностей. В результате происходит взаимопроникновение культур, мигранты включаются в местное сообщество, привнося в него свои культурные практики и усваивая местные.

Рассматривая проблему политических миграций, следует отметить, что на данный момент она тесно связана с протекающими процессами глобализации и трансформации национальных государств, которые в свою очередь стимулируют миграционные процессы. По мнению специалистов, массовый характер миграции привел к необходимости пересмотра характера «гражданства» не как индивидуального договора, а как группового акта. В этом случае групповой акт не предполагает требований к аккультурации или ассимиляции, а только к логически необходимой адаптации, а том числе и к протекающим в принимающем обществе социально-политическим процессам.

Меняется облик субъекта политической миграции: из бывшего объекта миграционной политики, подчиняющегося нормативному регулированию со стороны национальных государств, он превращается в полноценного политического актора, способного влиять на протекание внутривнутриполитических процессов в принимающем обществе, на распределение политических сил, на формирование новых политических движений. Меняются и доминирующие категории политической миграции: ссыльные, каторжане, репрессированные, депортированные народы – все это ушло в прошлое, их место заняли оппозиционеры и беженцы.

Список литературы

1. Алешковский И.А., Ионцев В.А. Управление международной миграцией в условиях глобализации // Век глобализации. 2015. № 1. С. 75–87.
2. Затулина Д.К. Сущность, политическое содержание и соотношение явлений «миграция», «миграционный процесс» и «миграционная политика» // Постсоветский материк. 2016. № 4. С. 44–61.
3. Иванов Е.В. Вынужденная миграция в международных правовых документах // Власть. 2010. № 3. С. 82–83.
4. Карнаухова О. С. Гражданство в мультикультурном обществе: от теории статусов к практикам // Вестн. Адыгейского гос. ун-та. Сер. 1: «Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология». 2014. № 2 (139). С. 14–20.
5. Касаткин П. И., Хрусталева И. М., Аватков В. А. Евробезопасность, интеграция и «мягкая сила» миграции в XXI веке // Вестн. МГИМО. 2012. № 6. С. 79–93.

6. Конвенция о статусе беженца [Электронный ресурс]. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/refugees.shtml
7. Рувинский В.В. Человеческое развитие, современные политические условия и международная миграция // Изв. Иркутского гос. ун-та. Сер.: «Политология. Религиоведение». 2014. №. С.11–32.
8. Galtung J. Cultural Violence // Journal of Peace Research. Vol. 27. № 3. P. 291–305.
9. Portes A., Borocz J Contemporary Immigration: Theoretical Perspectives on its determinants and modes of incorporation // International Migration Review. Vol. 23. № 3. P. 606–630.

FEATURES OF POLITICAL MIGRATION IN CONTEMPORARY WORLD

O.Yu. Verpatova

Tver State Technical University, Tver

The scope of the «political migration» concept is defined within the article's format. Under the globalization conditions, the vector of organization of migration streams is moving from national-administrative pressure with local planning and regulation of immigrants to internationally approved coordination of migration behavior standards. Global nature of migrations raises a question about the solution of opposite problems – the migration politics liberalization (citizenship mechanism improvement, creation of «transparent borders», etc.) and the acceptance of the strict restrictive steps in order to preserve the national security.

Keywords: *global/local, migration, nation-state, multinational companies.*

Об авторе:

ВЕРПАТОВА Оксана Юрьевна – аспирант кафедры психологии и философии ФГБОУ ВО «Тверской государственной технической университет», Тверь. E-mail: verpatova_tgtu@mail.ru

Author information:

VERPATOVA Oksana Yuryevna – PhD student, Tver State Technical University, Tver. E-mail: verpatova_tgtu@mail.ru